

нию, оказалось довольно большое количество, не сравнимое по сохранности и своеобразию с подобного типа памятниками из сельской округи античных государств Причерноморья.

В общем хорошо изданная во всех отношениях, с большим количеством иллюстраций работа А.А. Масленникова дает полное представление о множестве самых разнообразных, в том числе уникальных, святилищ на сельской территории европейского Боспора. Она не только привлечет внимание ученых, но, несомненно, будет способствовать дальнейшему изучению сакральных памятников античной эпохи на Боспоре и в других регионах Причерноморья. Следует еще раз подчеркнуть тот факт, что исследование автора, много лет своей жизни отдавшего целенаправленным и разносторонним археологическим разведкам и раскопкам сельских поселений и святилищ и как никто другой хорошо их знающего, безусловно является большим его преимуществом, и поэтому он обязан написать работу о религиозных воззрениях населения Боспора.

А.С. Русьева

© 2008 г.

Л.Л. КОФАНОВ. Lex и ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. М.: Статут, 2006. 575 с.

Монография Л.Л. Кофанова, представляющая собой докторскую диссертацию, состоит из введения, четырех глав и заключения. Следует также отметить наличие обширной библиографии, подробного резюме на итальянском языке и предметного указателя. Центральной задачей исследования является анализ конкретных путей возникновения и развития римского права, выявление процесса складывания таких основополагающих юридических понятий, как *ius* (право) и *lex* (закон).

Глава I «Возникновение права в VIII–VI вв. до н.э.» посвящена зарождению права и развитию его в царский период. В первом параграфе анализируются сакральное право и «царские законы». Отметив первостепенное значение сакрального права как основы, на которой строилось все римское гражданское право, автор приступает к рассмотрению важного и неоднозначно решаемого в историографии вопроса: что такое вообще сакральное право древнейшего Рима и может ли оно быть названо правом в современном юридическом смысле этого слова?

Л.Л. Кофанов выделяет три модели системы римского сакрального права, которые могут быть использованы для его реконструкции (с. 56–68). Это модели Цицерона, Варрона и Дионисия Галикарнасского. Модель Дионисия Галикарнасского представляет собой систему сакрального права архаического периода. В нее входят в порядке перечисления нормы о 30 курионах, фламинах; предводителях целеров и соответствующих священнодействиях, а также об авгурах, весталках, салиях, фециалах и их ритуалах, понтификах. Упоминание о понтификах, сделанное в последнюю очередь, Л.Л. Кофанов полагает достаточным доказательством того, что первоначально понтифика «относительно не были старшей жреческой коллегией» и лишь цари этрусской династии Тарквиниев подняли их статус (с. 66).

Л.Л. Кофанов далее указывает, что к так называемому сакральному праву относились практически все «царские законы», которые античными авторами называются законами «о сакральных ритуалах». Но возникает вопрос: можно ли считать их собственно правом и законами, или же они представляют собой «единую синкретическую систему норм первобытного общества»? Ученый обращается к современным исследованиям этнологов и юристов (с. 69–72) и весьма подробно анализирует «царские законы» от Ромула до Тарквиния Гордого (с. 73–97). Он делает вывод, что уже установления Нумы Помпилия представляют собой не просто сборник монономов первобытного общества, но сборник норм переходного периода – времени активного формирования права раннеклассового общества, так как общегражданские нормы не имеют демонстративного приоритета над родовыми. И только законы Сервия Туллия могут быть названы, с полным на то основанием, первым правовым сборником римского архаического государства, ибо именно установления Сервия Туллия в большей степени учитываются не родовой, а социальный и имущественный статусы римлянина.

Во втором параграфе автор рассматривает роль древнейших органов власти (царя, сената и народного собрания) в формировании права и закона. Анализируя характер царской власти ар-

хаического Рима, Л.Л. Кофанов обращает внимание на то, что не только военные, но и судебные атрибуты власти царей воспринимались древними римлянами как элементы сакральных ритуалов царя-жреца. Касаясь проблемы взаимоотношения царской власти с другими институтами, автор утверждает, что, несмотря на ограниченный сенатом и народным собранием характер власти царя, полномочия римского рекса в законодательной и судебной сферах были достаточно обширны и его авторитет лишь рос по мере увеличения государственного аппарата (с. 107–117).

Роль сената в создании римского права, по мнению Л.Л. Кофанова, была велика уже в царский период. В функции древнейшего сената входили и судебные. Исследователь присоединяется к мнению ряда ученых, согласно которому сенаторы весьма часто являлись жрецами, участвуя, таким образом, в создании сакрального права (с. 124–126). Убедительными выглядят доказательства автора о значительной роли *patres* в формировании родового права, *ius gentilicium* (с. 135–137), а также замечание об очевидности роли сената в формулировании окончательной письменной редакции закона (с. 142).

Разбирая проблему влияния народного собрания и собственно римского народа на процесс принятия закона в архаическом Риме, автор рассматривает дискуссионную тему о содержательном наполнении понятия «народ» в римской традиции. Он оспаривает представление о том, что плебс не входил в состав *populus*, и полагает достаточно аргументированным мнение, что термин *populus* в царский период обозначал всех римлян (с. 143–150). Л.Л. Кофанов, рассмотрев данные традиции, реконструирует процедуру принятия закона в куриатных комициях, акцентируя внимание на ритуале сакральной клятвы над жертвенным животным в верности принимаемому закону, благодаря чему куриатные законы получили название «священных законов» (с. 154–157). Особо автор останавливается на судебных полномочиях народного собрания по куриям – осуществление права осужденного царем на апелляцию к народному собранию; право народа утверждать на калатных комициях завещания римских граждан; участие куриатных комиций в адрогации (с. 157–160). Большой интерес вызывает обращение исследователя к институту *detestatio sacrorum* – всенародному проклятию на народных собраниях преступников, преступных дел или даже неугодных богам культов, подтверждающему широкие судебные полномочия куриатных комиций. В целом, по его мнению, влияние народного собрания на принятие законов и развитие права было достаточно велико, хотя народ обычно следовал авторитетному мнению царя, жрецов и сенаторов.

Третий параграф I главы посвящен древнейшему сакральному значению понятия «закон» и его эволюции. Автор рассматривает механизм принятия закона и отмечает, что цари представлены в традиции лишь как создатели законопроектов, законодателем же является народ. Л.Л. Кофанов определяет закон в понимании античных авторов как «письменно зафиксированный приказ народа, принятый народным собранием, подтвержденный клятвой, в силу которой он становится обязательным для всех римских граждан» (с. 167). По мнению автора, эволюция понятия «закон» шла в направлении от преимущественного понимания его в царский период (когда была высока роль жрецов, «которым открывается божественная мысль высшего закона») как «божественной воли» к безусловному пониманию его в период Ранней республики как «приказа народа» (с. 167–168).

Любой закон, как замечает исследователь, может быть действителен только если предусматривается наказание за его нарушение, в связи с чем автор подробно рассматривает сущность такой санкции, как *sacer esto* (в дословном переводе – «да будет посвящен в жертву богам»), действовавшей в случае нарушения сакральных законов. Л.Л. Кофанов подчеркивает, что с течением времени наказание на основании формулы *sacer esto* смягчается: в древнейший период санкция *sacer esto* означала прежде всего смертную казнь в форме человеческого жертвоприношения), но уже в VI–V вв. до н.э. допускается изгнание, а в III в. до н.э. магистрату предоставляется право выбора между консекацией виновника и его имущества и наложением штрафа. В период же Поздней республики и начала Принципата посвящение богу свелось лишь к религиозному проклятию и считалось, что бог сам покарает преступника, хотя институт конфискации имущества сохранялся и тогда, в форме *publicatio bonorum* (с. 168–171).

Говоря о понятии «закон», автор, конечно, не мог не заинтересоваться вопросом о соотношении «закона» и «права». Л.Л. Кофанов рассматривает понятие *ius* и делает весьма аргументированное предположение, что право (*ius*) понималось в древнейшем Риме как божественная воля, предписание, приказ бога, и в этом смысле изначальное понимание терминов *lex* и *ius* как божественных указаний было достаточно близким. Различие же состояло в том, что принятие закона как общегосударственного акта сопровождалось клятвой всех граждан на верность принимаемой норме; право же понималось шире и складывалось из совокупности религиозно-правовых

норм, отдельных видов права (*ius pontificium*, *ius augurale*, *ius feciale*, *ius gentilicium*) – всего того, что относится современными романистами к *mos maiorum*. В дальнейшем приоритете закона над неписанным, обычным правом огромную роль сыграли Законы XII таблиц, и с того времени право XII таблиц стало пониматься как право всех римских граждан (*ius civile*) (с. 179–190).

Л.Л. Кофанов, рассматривая роль жрецов в развитии римского права, доказывает, что деятельность авгуров не сводилась лишь к функциям официальных прорицателей воли Юпитера, но в архаическом Риме они были «чем-то вроде высшего апелляционного суда, следователями и юрисконсультами одновременно» (с. 216). Понтифики же, по мнению автора, были хранителями божественной воли, следя за соблюдением сакрального права жрецами, магистратами и частными лицами; они также посредством эдиктов участвовали в законодательной деятельности и в судебной, не только вынося на основании сакральных законов предварительное решение, но и предоставляя судебному магистрату, истцу и ответчику соответствующие торжественные формулы (*vota pontificata*), представляющие собой в сущности древнейшие формулы юридических актов и исков (с. 218–224). Обращается исследователь и к вопросу о влиянии фециалов на эволюцию права, отмечая влияние на развитие *ius gentium* судебных решений фециалов и их комментариев к договорам (с. 227–230).

Л.Л. Кофанов рассматривает сакральное право как первооснову древнейших институтов римского публичного и частного права. Он отмечает сакральную форму законов, регулировавших систему налогообложения (жертвоприношение-налог). Архаическая система исков также формировалась в рамках сакральных норм и институтов, что продемонстрировано исследователем на примере древнейшего иска *legis actio sacramento in rem*. Сакральное право регулировало и охрану земельных владений (установление на границах межевых камней, посвященных Юпитеру Термину, и суровое наказание за сдвиг такого камня). С помощью сакральных институтов, как доказывает автор на многочисленных примерах, древнейшие римляне контролировали выполнение обязательств.

Аргументированным представляется вывод автора о том, что сакральное право к VI в. до н.э. выполняет все основные функции собственно права, необходимые для функционирования государства, и оно даже письменно фиксируется в сборнике понтифика Папирия. Главная особенность развития этого права – его постепенная систематизация, выделение отдельных отраслей права. Особое значение исследователь придает появлению и развитию самих понятий «право» (*ius*) и «закон» (*lex*), что само по себе свидетельствует об их выделении из общерелигиозных норм.

В главе II «Роль сословно-классовой борьбы плебеев в развитии светского права в VI–V вв. до н.э.» Л.Л. Кофанов рассматривает возникновение консулата и его влияние на развитие римского права, а также определяется та роль, которую сыграла в эволюции права борьба между патрициями и плебеями. По мнению автора, создание магистратуры консулов привело к кардинальным изменениям: вся сакральная власть сосредоточилась в руках верховного понтифика и царя жертвоприношений, вместе с тем вся военная власть сконцентрировалась в руках двух ежегодно избираемых консулов, что, по утверждению исследователя, означало начало процесса интенсивного разделения между сакральным (*fas*) и гражданским (*ius*) правом. Анализируя законодательство первых лет Республики, исследователь подчеркивает, что в это время были отменены Тарквиниевы законы, несущие в себе яркие черты этрусской сакрально-правовой системы, и восстановлены законы Нумы и Сервия Туллия, в которых (в этом он поддерживает С. Тондо) традиционно сильным было влияние греческой правовой культуры Южной Италии.

В ходе изучения роли межсословной борьбы в развитии права Л.Л. Кофанов затрагивает появление нового института – плебейского трибуната – и отмечает, что, возможно, изначальной функцией плебейских трибунов был контроль за правильным взиманием арендной платы или налогов, а также контроль за рыночными ценами на хлеб (с. 303–308). Именно из этих функций, по мнению ученого, проистекают и полицейские, и административные обязанности трибунов. Кроме того, не соглашаясь с популярной в современной историографии точкой зрения Т. Моммзена, он видит в плебейском трибунате не только негативную, запрещающую власть, но и, вслед за Дж. Лобрано, элементы позитивного начала – в праве законодательной инициативы (с. 310). Более того, исследователь отмечает, что плебейские трибуны были «наиболее последовательными борцами за писаное законодательство», которым противодействовали консулы и патрицианский сенат, цеплявшийся за неписанные обычаи предков.

По мнению Л.Л. Кофанова, именно появление плебейского трибуната сделало возможным составление писаных Законов XII таблиц как публичного, доступного для всех граждан, законодательства.

В III главе «История создания Законов XII таблиц, их структура и содержание» анализирует-ся система децемвирального свода, выясняется общая структура законов и некоторые наиболее важные для дальнейшего развития права нормы. Главное отличие Законов XII таблиц от законов других древних народов, по мнению ученого, – это их упорядоченность, систематизация (с. 337). Раскрывая сложный вопрос о порядке изложения законов, он опирается на данные Ульпиана, Авсония и в большой степени Цицерона, сопоставляя «Законы» Цицерона и Законы XII таблиц, реконструируя возможную трехчастную модель: первый раздел посвящен праву сакральному, второй – публичному (праву магистратов) и третий – частному праву (с. 337–342).

Соответственно этому делению Л.Л. Кофанов рассматривает содержание Законов XII таблиц. Определяя роль сакрального права в децемвиральном своде, он обращается к античной традиции и после тщательного анализа утверждает, что эти законы содержали множество религиозных и магических элементов, регулировали деятельность различных жреческих коллегий.

Рассматривая право магистратов в Законах XII таблиц, Л.Л. Кофанов замечает, что от этих норм практически ничего не сохранилось и можно лишь с известной долей вероятности предполагать их содержание. Особо автор останавливается на важнейшем институте публичного права – народных собраниях. По Законам XII таблиц было запрещено выносить в трибунные комиции законы против частных лиц и вместе с тем право вынесения смертного приговора было дано только центуриатным народным собраниям. Решение это исследователь называет компромиссным: с одной стороны, была ограничена власть трибунных собраний, с другой же – в центуриатных комициях власть жрецов была меньше, нежели в куриатных (с. 352–353). Ученый отмечает тот факт, что все этапы судопроизводства совершались в присутствии народа и с его одобрения, а в наиболее важных делах центуриатные комиции выносили свое решение. Также было замечено автором, что Законы XII таблиц зафиксировали на века введенное еще Сервием Туллием разделение судебных исков на *iudicia publica* и *iudicia privata*; первые были закреплены за народным собранием, а вторые – за судебными магистратами (с. 356).

Л.Л. Кофанов отмечает некоторую трансформацию Законов XII таблиц в сторону отделения чисто религиозных институтов от юридических. Эту эволюцию он прослеживает на отдельных правовых нормах. Так, в иске *legis actio sacramento* была введена денежная форма залога (первые шаги отделения *fas* от *ius*), устанавливается и закрепляется принцип благоприятствования свободе – *favor libertatis*, в разделении сакраментального иска на вещный и личный демонстрируется разделение всей системы древнейшего гражданского права на лица (*personae*) и вещи (*res*) (с. 356–363).

Подводя итог рассмотрению норм публичного права Законов XII таблиц, исследователь отмечает, что в древнейший период развития законодательства римляне не проводили резкого разграничения между публичным и частным правом, между общественной и частной собственностью – разница заключалась в степени и уровне контроля общества над ними (с. 392).

В параграфе, посвященном частному праву Законов XII таблиц, Л.Л. Кофанов говорит о высокой степени разработки норм этого права, однако отмечает, что в децемвиральном законодательстве еще ощущается параллельное использование одних и тех же институтов как в частном, так и в публичном праве. Анализируя вербальный договор *sponsio-stipulatio*, автор полагает его форму достаточно развитой и подчеркивает, что речь идет именно о частноправовом договоре, хотя в Законах XII таблиц *sponsia* зафиксирована и в сакральном праве, праве фециалов. Это, по мнению исследователя, говорит об отделении частноправовой сферы применения стипуляции от жреческого права (с. 392–399). Автор рассматривает терминологию децемвирального свода, относящуюся к владению и собственности. Л.Л. Кофанов признает, что определенная двойственность имеет место, но отмечает, что говорить о частной собственности в этот период можно лишь с определенной долей условности, потому что – в этом исследователь придерживается точки зрения Е.М. Штаерман – контроль общества за правильным использованием частной собственности был достаточно строг даже в позднереспубликанском Риме. Так, автор показывает, что добросовестное владение оккупированным *ager publicus* в течение двух лет приводило к владению законному (*iusta possessio*), но не к полной частной собственности (с. 427).

В главе IV «Генезис преторского права в Риме IV–III вв. до н.э.» рассматривается *fides publica* римских магистратов, возникновение преторского права, происхождение преторского эдикта и судьба Законов XII таблиц до Юстиниана. Касаясь проблемы *fides publica*, Л.Л. Кофанов после анализа конкретных данных источников констатирует, что римская *fides* в области государственных отношений усиливала ответственность магистратов за данные народу обещания. Причины же авторитета и долговечности *fides* автор видит в следующем: во-первых, верность клятве считалась римлянами «священнейшим правом»; во-вторых, за нарушение *fides* обычной санк-

цией для римских магистратов была смерть, потому как при вступлении в должность магистрат прямо обрекал себя и свой дом гневу богов в случае сознательного несоблюдения клятвы (с. 445–448). Вступив в должность, магистрат должен был представлять римский народ перед богами и внешним миром – это не что иное, по мнению исследователя, как договор между римским народом и магистратом (*fides populi* или *fides publica*), нарушение которого не могло пройти безнаказанным для должностного лица. После сложения должностных полномочий магистрат мог быть обвинен в несоблюдении своей *fides*, в клятвopреступлении – так складывался механизм контроля народа и сената за обещанным магистратом и сделанным (с. 452–455).

Далее Л.Л. Кофанов рассматривает вопрос о генезисе преторской юрисдикции в Риме IV–III вв. до н.э., полагая, что тезис о преемственности судебной власти от консулов к претору нуждается в дополнении. По его мнению, данные античной традиции вполне доказывают возможность подобной преемственности не только от консулов, но, в большей степени, от понтификов, так как именно в их руках были все иски, и из коллегии понтификов ежегодно избирался один для разбора частных судебных дел между гражданами (с. 458–461). После появления должности городского претора за понтификами оставалась лишь роль, пусть и немаловажная, хранителей законов и обычаев предков, а также интерпретации законов. Автор выступает против сложившегося в современной романистике устойчивого представления, что *praetor urbanus* изначально рассматривал только частные дела между римскими гражданами. По мнению Л.Л. Кофанова, претор рассматривал в стадии *in iure* и передавал в различные суды не только частные споры между гражданами, но и уголовные и государственные преступления (с. 463–465).

Говоря о характере преторского эдикта, автор полагает, что уже с самого начала своей деятельности преторы при вступлении в должность выставляли на форуме так называемые постоянные эдикты (*edicta perpetua*), действовавшие весь должностной год. Очень интересны и оригинальны приведенные Л.Л. Кофановым исследования по вопросу о деятельности городских преторов в развитии римского судопроизводства и законодательства вне Рима. Можно согласиться с выводом автора, что городской претор еще до создания должности претора peregrinorum принимал активное участие в распространении римского права в Италии и в развитии «права народов», а также разбирал иски между гражданами и peregrinorum (с. 473–476).

В последнем параграфе Л.Л. Кофанов рассматривает судьбу Законов XII таблиц. По его мнению, на протяжении всего IV века до н.э. сакральное, а возможно, отчасти и публичное право XII таблиц было сокрыто от простого народа. Ситуация изменилась, когда Гней Флавий выставил утаенные от народа таблицы на Форуме. Ученый полагает, что Флавиево гражданское право представляло собой календарное изложение системы децемвиральных исков, снабженное кратким комментарием Аппия Клавдия, и называет Флавиево издание «переизданием XII таблиц» (с. 479–480). Автор обращает внимание на Элиево право, считая его третьим изданием Законов XII таблиц, сопровождавшееся комментариями Секста Элия и торжественными формулами легисакционных исков (с. 481). Следующий всплеск интереса к Законам XII таблиц ученый отмечает в I в. до н.э.: во-первых, при гражданской смуте того времени для политиков было бы важно опереться на авторитет древнего свода, во-вторых, Законы уже устарели и требовалась новая кодификация. Новый свод так и не был составлен, но было найдено решение проблемы – адаптация древнего свода к новым реалиям посредством расширительного толкования и комментирования при сохранении системной основы Законов XII таблиц. Наиболее известным сочинением подобного плана Л.Л. Кофанов называет «Комментарий к Законам XII таблиц» Лабеоны (с. 482–483).

В «Заключении» Л.Л. Кофанов обобщает результаты исследования, делая вывод, что творческая восприимчивость, открытость для чужого опыта, высочайшая степень систематизации и постоянное стремление к справедливости определили поразительную жизнеспособность римского права. Автор выделяет основные этапы формирования римского архаического права: первый этап (VIII в. до н.э.) характеризуется как переходный от единой синкретической системы норм первобытного общества к архаическому праву; главной особенностью второго (VII–VI вв. до н.э.) является развитие и расцвет сакрального права; третий (конец VI – первая половина V в. до н.э.) связан с поворотом в сторону светского гражданского права и завершается созданием Законов XII таблиц.

Со времени Нумы Помпилия и особенно в период правления Сервия Туллия появляется писаное право с чертами юридического понятия «право». Также во времена Сервия Туллия формируется понятие «закон», отличное от «обычаев предков». Закон, по мнению автора, преимущественно понимался как «божественная воля», а само право складывается преимущественно в сакральной сфере.

Классическое же понятие «закон» (lex) как приказ всего народа складывается в конце VI – первой половине V в. до н.э., и процесс этот был обусловлен, с точки зрения Л.Л. Кофанова, сословно-классовой борьбой патрициев и плебеев. Межсословная борьба, по его мнению, привела к сужению рамок действия сакрального права. Огромную роль в этом сыграл плебейский трибунал. Благодаря законотворчеству плебейских трибунов законодательная инициатива постепенно переходила от пронизанных религиозными запретами куриатных комиций к центуриатным, а затем и к трибутным. В это время идет и углубление процесса формирования правовой системы: разделяется судопроизводство по государственным и частным делам. Санкции законов эволюционируют от жертвоприношений к штрафам, конфискациям в пользу народа.

Определенным завершающим этапом в развитии архаического права становится создание Законов XII таблиц, в котором видны уже все основные элементы системы римского гражданского права, его деление на публичное (жреческое, сакральное и право магистратов) и частное (нормы о лицах, о вещах и об исках) право. В Законах представлены нормы, свидетельствующие о достаточно развитых институтах коллективной собственности, и в то же время отношения частной собственности носили еще довольно архаический характер.

Л.Л. Кофанов отмечает особую важность генезиса преторской юрисдикции и соответственного преторского эдикта в IV – начале III в. до н.э. для всего дальнейшего развития римского права. Постоянные преторские эдикты заложили основу будущего преторского права (*ius hono-garim*) как важнейшего источника всего римского права. Важным моментом в истории преторского эдикта автор считает обнародование в 304 г. до н.э. курульным эдилом Флавием иском и фаст, что, с точки зрения исследователя, позволило преторам в судебной деятельности проявлять большую активность и самостоятельность. По мнению Л.Л. Кофанова, с конца IV в. до н.э. начинается развитие формулярного процесса, в котором активная роль в разработке исковых формул стала принадлежать именно преторам и курульным эдилам.

Итак, исследование Л.Л. Кофанова затрагивает как ранее мало исследованные проблемы в развитии римского права, так и предлагает свои решения дискуссионных вопросов. Следует отметить, что при всех несомненных плюсах работа несколько фрагментарна: больше внимания уделяется излюбленным автором темам, а ряд других, не менее значимых, затрагиваются лишь попутно. В целом монография представляет собой очень интересное исследование и побуждает ученых к дальнейшему комплексному изучению права и истории Рима.

О.А. Власова

© 2008 г.

Е.В. СИЛЬВЕСТРОВА. *Lex Generalis.* Императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X вв. н.э. М.: Индрик, 2007. 246 с.*

Книга Е.В. Сильвестровой представляет собой первую в отечественной романистике монографию по постклассическому римскому праву. До сего времени вышло лишь несколько работ, посвященных отдельным сюжетам истории церковного права или правовой культуры Византии, авторы которых с большей или меньшей степенью обстоятельности и подробности привлекали для решения своих задач материалы «Кодекса» Феодосия и других текстов постклассического периода¹. Работу Е.В. Сильвестровой выделяет на общем фоне ее целостный и ком-

* Рецензия написана в рамках проекта «Научный комментированный перевод Кодекса Феодосия» (грант РГНФ 08-03-00158а).

¹ См., например: *Азаревич Д.* История византийского права. Ярославль, 1876–1877; *Астапенко П.Н.* Римское императорское законодательство IV века о церкви и формирование канонического права. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999; *Гуляев А.* Предбрачный дар в римском праве и в памятниках византийского законодательства. Исследование. Дерпт, 1891; *Лебедева Г.Е.* Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980; *Литвиц Э.Е.* Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л., 1976; *она же.* Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв. Л., 1981; *Павлов А.* 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887; *Тиктин Н.И.* Византийское право как источник Уложения 1648 г. и новоуказных статей. Опыт историко-сравнительного исследования. Одесса, 1898, и т.д.